

МАКСИМ АФАНАСЬЕВ

Только
дворецкий,
или
убить, но не
по-английски

16+

Максим Афанасьев

**Только дворецкий, или
Убить, но не по-английски**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Афанасьев М.

Только дворецкий, или Убить, но не по-английски /
М. Афанасьев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

История одного убийства, совершенного на глазах многочисленных свидетелей. Расследование ведет известный автор детективов.

Сейчас, по прошествии многих лет, я со слезами вспоминаю одного особенного человека, он, как и многие, взошел на борт Титаника, чтобы исчезнуть. В тот год перевернулась и моя жизнь. А точнее это произошло в один единственный день, точнее даже вечер, а если быть совсем точным, в ту самую секунду, когда... Впрочем обо всем по порядку.

Меня зовут Бренан Элмериз. Сейчас я преуспевающий фокусник, а тогда в 1912 году я был никому не известным студентом. В тот вечер накануне отплытия Титаника случилась страшная непогода. Давно Великобритания не видела такой ужасной бури, однако свой званый ужин мистер Оулдридж и не думал отменять, слишком радостный был повод. Мистер Оулдридж издатель, хоть до того дня и не очень преуспевающий. Кажется, он собирался праздновать какую-то удачную сделку с одним малоизвестным, но плодотворным и талантливым автором. Впрочем, подробности не были мне известны.

По аккуратной мощеной дорожке я шел к большому старомодному дому с аристократическим названием Блэквудс-Холл. Неистовый ветер заставил меня вцепиться в шляпу двумя руками. Черное небо не предвещало ничего хорошего, гром угрожающе раскатывал, и над головой то и дело вспыхивали молнии, освещая на долю секунды дорожку передо мной. Дождь весь день собирался с силами, и вот одна за другой стали падать тяжелые капли. Не успел я заскочить на крыльцо, как за моей спиной выросла отвесная стена ливня.

Я позвонил в электрический звонок и через минуту тяжелая дверь отворилась. Меня встречал дворецкий Алфорд, высокий, прямой человек с каменным лицом. Весь его вид всегда был преисполнен такого достоинства, что сомнений не оставалось – дворецким он служит по призванию. Он выполнял свои обязанности точно, как машина, и был одновременно незаметен и вездесущ, и, конечно, абсолютно незаменим.

Алфорд был неизменно молчалив. Тщательно заперев за мной дверь, он проводил меня в гостиную, где уже находились другие гости, многих из которых я знал и только двоих видел впервые.

Одним из них был Эмори Пикок, невысокий, я бы даже сказал маленький, и довольно щедушный мужчина. Его маленькое тело, маленькие черты лица, а в особенности маленькие и к тому же постоянно прищуренные глазки здорово контрастировали с его необычайно пышными, закрученными на концах усами. Ими он, судя по всему, чрезвычайно гордился, считая возможно их некоторой компенсацией за небольшой размер остальных частей тела. Во всяком случае, об этом свидетельствовали постоянные поглаживания усов, в особенности после очередной попытки сказать что-нибудь остроумное. Но самой удивительной в этом человеке была не внешность, а его профессия, которая никак не вязалась с какой-то детскостью во всем его облике. Этот смешной человек был инспектором Скотленд-Ярда. На его фамилию, такую же смешную, как и он сам, я не раз наткнулся в Times в связи с каким-нибудь громким преступлением.

Второй незнакомец, невысокий джентльмен плотного телосложения, обладал совершенно невзрачной внешностью, взгляду буквально не за что зацепиться. Его лицо округлой формы украшали, если так можно выразиться, едва заметные круглые очки. Волосы были бесхитростно зачесаны набок. Мягкие, я бы даже сказал, наивные черты лица, выдавали в нем сельского учителя, хотя истинный род его занятий я не знал. Как-будто мне послышался американский акцент, но так как он говорил мало, я не мог в этом поклясться. Тихий и малозаметный субъект, не удивительно, что после того, как мне представили этого джентльмена, я через секунду забыл его имя. Впрочем, причиной тому было еще и эффектное появление Кэтлин. Едва я успел произнести: «Очень приятно» и вежливо улыбнуться невзрачному господину, как меня буквально приковала к себе дочь хозяина дома. Милая Кэтлин. Увидев ее, я буквально перестал дышать.

Она спускалась по лестнице. Нет, она плыла. Очень медленно и бесконечно прекрасно. Наверное, это мой отравленный ум пытался продлить счастливые мгновенья. На ней было бежевое муаровое платье, которое нежно переливалось волнами, белокурые волосы изящно убраны наверх, обнажая волнующую линию шеи и плеч. Добавьте к этому божественную улыбку и сияющие сапфировые глаза и получите поистине волшебное видение. Пусть звучит банально, но я пребывал на седьмом небе от счастья. Простая возможность пожать ее руку, увидеть вежливую улыбку на мое притворно спокойное приветствие, лишь только это меня приводило в восторг.

Однако стоит представить и других участников описываемых событий.

Хозяин дома, Амброуз Оулдриддж, это высокий, широкоплечий мужчина лет шестидесяти. Про себя я называл его «Человек квадрат», в дверной проем он входил исключительно боком. Безапелляционный, строгий, но справедливый человек.

Доктор Боллард Оулдриддж, брат хозяина дома, напротив, больше походил на шар. Он имел круглую лысую голову, большой круглый живот, а также мягкие и округлые жесты. Я словно видел перед собой мяч, и этот мяч мне хотелось толкнуть пальцем, чтобы посмотреть, как далеко он укатится. Вот уважаемый доктор Оулдриддж взмахивает руками, падает со стула и катится, катится по комнате, мелькают руки, ноги... Так я мысленно развлекался за ужином, в те моменты, когда не любовался украдкой Кэтлин. С трудом я мог отвести от нее взгляд, дабы не выглядеть бестактно.

Мерла, жена доктора, невысокая худая женщина с резкими чертами лица, тонким и длинным носом, длинными прямыми волосами непроницаемого черного цвета. Она говорила исключительно тоном, не терпящим возражений. Это была властная женщина, полная противоположность мужу. Как они нашли друг друга, лично для меня оставалось загадкой.

Присутствовал также постоянный гость дома бессменный поверенный мистера Оулдридджа мистер Хамиш Уэйн. Ему было не меньше восьмидесяти лет. Это был худощавый невысокий старик, который двигался и говорил так медленно, что мог вызвать опасения за его здоровье. И только его цепкий, прямой взгляд выдавал в нем уверенного еще полного сил человека.

Амедеус Симпсон. Высокий, широкоплечий, светловолосый мужчина средних лет. Открытое лицо, спокойные и умные глаза. Очень красивый человек, его легко можно было спутать с актером, но строгий черный костюм и белый воротничок не давали усомниться в том, что это священник.

Мардж Браун, полная женщина лет сорока, подруга хозяина дома. Известная эксцентричная миллионерша в нелепой шляпке. Помимо дружбы с хозяином дома, кажется, их связывали какие-то денежные дела.

Уверен читатель уже успел догадаться, что для меня не было места лучше на свете, чем дом, где живет Кэтлин. Я честно и упорно, вот уже полгода, посещал этот дом в качестве друга Кэтлин. Излишне говорить, что я питал к ней иные чувства, нежели только дружеские. И не трудно догадаться, что в мои нескромные планы входило снискать расположение Кэтлин и, конечно, ее отца. Что касается мистера Оулдридджа, то смею утверждать, что он рассматривал меня как лучшую партию для своей дочери, он сам говорил об этом неоднократно. А Кэтлин? Что ж, она была очень любезна со мной, всегда приветлива, впрочем, как и со всеми. Я видел ее почти каждый день, может ли большего желать любящее сердце.

Ужинали тихо, разговаривали мало. Только Кэтлин щебетала о каких-то пустяках. Ее голос я мог слушать бесконечно, но в этот раз я был слегка расстроен.

– Папа ты знал, что Дейв настоящий ковбой? – без перехода вдруг спросила Кэтлин.

– Я только знаю, что он американец, – недовольно отозвался мистер Оулдриддж.

– Ты не понял, он из тех самых знаменитых, бесстрашных пастухов, которых показывают в синема.

– Хм, про пастухов я ничего не знаю, я считал, его прилежным студентом, изучающим право в Кембридж. Хотя я слышал, его стремление к наукам последний год все слабее, а успеваемость оставляет желать лучшего.

– Папа ты как всегда слишком строг к нему. Просто у него сейчас не лучший период. Ты же знаешь, он умен, он сам поступил в университет, и он... он очень хороший молодой человек. Он даст любому студенту фору, – добавила она.

Кэтлин замолчала, а я чувствовал, как ее слова иголками впились мне прямо в сердце.

– Кэтлин, дорогая, что за выражения...

– Кстати, я его пригласила, ты же не будешь против?

– Ты могла бы спросить меня. Сегодня мой день, ты не находишь? – тут брови мистера Оулдриджа грозно сошлись на переносице.

– Твой, папочка, конечно, твой, – беззаботно ответила дочь и повернулась к Алфорду. Намереваясь заменить на столе очередное блюдо, он тихо подкрадывался сзади.

– Милый Алфорд, ты ведь не забыл мою просьбу не убирать пустые бутылки? Дейв обещал научить меня стрелять из револьвера.

Вместо ответа Алфорд грохнул об пол целый поднос грязной посуды. «Прошу прощения», – тихо произнес он.

– Господи, что за несносный ребенок, – мистер Оулдридж обреченно вздохнул и уткнулся в тарелку. Он был немного туг на ухо, поэтому и бровью не повел на грохот за его спиной, тогда как все остальные встрепенулись как птицы.

– В такую погоду, вы рискуете застрелить кого-нибудь из соседей.

Это инспектор Пикок предпринял очередную попытку вернуть в разговор что-нибудь остроумное. Видимо шутка показалась ему слишком тонкой, и он посчитал необходимым добавить:

– Такой ветер, что и самого стрелка может сдуть.

Помимо глухоты отец Кэтлин еще и плохо видел, а очки отказывался носить, поэтому шутка Пикока прозвучала крайне неуместно.

Мистер Оулдридж не очень-то жаловал Дейва Тревора, но с дочерью сладить было нелегко. Хотя Дейв и был всего лишь одним из многочисленных друзей Кэтлин, я безумно ревновал. Тот факт, что он не выказывал к ней каких-то нежных чувств и вел себя с ней вполне по-дружески, меня не останавливал. А тут еще эти бутылки. Когда это они успели договориться стрелять по бутылкам.

После ужина переместились в гостиную. Женщины пили шампанское, мужчины кофе и виски, курили сигары. Я развлекал гостей карточными фокусами.

Посреди комнаты стоял стеклянный журнальный столик. Гости расположились вокруг на диване и в креслах. Кто-то стоял у камина.

Я перетасовал карты, показал их гостям, раскрыв веером. Потом убрал их в коробочку. Коробочку я держал перед собой двумя пальцами, демонстрируя зрителям, но рука начинающего фокусника дрогнула, и коробочка упала. Пунцовый от стыда, я полез под журнальный столик.

– Мистер Оулдридж, прошу, возьмите одну карту, не показывайте мне. Вы должны запомнить ее. Покажите кому-нибудь еще, так чтобы я не видел. Запомнили? Отлично. Теперь покажите карту всем! Назовите ее вслух!

– Восьмерка пик, – сказал мистер Оулдридж. – Ты уверен, Бреннан, что знаешь, как делать этот фокус? Обычно фокусник должен угадать карту...

– Это прошлый век, – отозвался я и добавил. – Впрочем, я только учусь.

Кэтлин захлопала в ладоши, мои фокусы она любила.

– Рано, милочка, – прокомментировал ее аплодисменты инспектор Пикок и энергично усмехнулся в свои усы.

– А теперь я убираю карту обратно в колоду. Немного волшебных слов... Ну скажем, «парцепус мёбеус».

Каждый раз это были разные волшебные слова. Я неуклюже, как мог, замахал руками, делая вид, что напрягаю все свои магические силы. Публика оживилась.

– Я убираю карты в коробку, – повторил я, – а коробку в карман. Как вы думаете, где восьмерка пик?

– Черт возьми, Бреннан, она в коробке, в твоём кармане! – воскликнул мистер Оулдридж.

– Ну, или в моем ухе, – Пикок не выдержал и рассмеялся собственной шутке.

– Кто может точно сказать, в какой карман я положил коробочку? Кто видел?

– В правый карман пиджака, – весело сказал инспектор. – Я все-таки полицейский, и внимательно слежу за всеми вашими манипуляциями. Меня-то вы точно не одурачите. Будьте любезны достать ту самую колоду, которую вы положили в правый карман пиджака.

– С удовольствием, – я полез в карман. – Вас инспектор не проведешь. Вот карты. Я кладу их на столик и больше к ним не прикасаюсь. Мистер Оулдридж, прошу, найдите восьмерку пик.

Мистер Оулдридж недоволен что-то пробурчал, но все же вытащил карты, разложил их веером на столике.

– Ее здесь нет, – громко сообщил мистер Оулдридж.

– Черт возьми, когда вы успели ее спрятать, – изумленно воскликнул инспектор. – Пора-зительно!

Раздались возбужденные голоса. Кто-то неуверенно сказал: «Браво».

Кэтлин расхохоталась и громко захлопала. Она была больше меня обрадована произведенным эффектом.

– Я знаю, где карта, – вдруг сказала Мардж Браун своим глубоким низким голосом. – По законам жанра вы должны вытащить ее у кого-нибудь из уха.

С таким чувством она это сказала, так уверенно, будто и не слышала остроумия инспектора по этому поводу. Готов биться об заклад, миллионерша думает, что уже все видела в этом мире.

Я снял правый ботинок и достал из него карту. Небрежно бросил ее на столик. Это была, конечно, восьмерка пик. Гости снова захлопали, а я спокойно сел на свое место, хотя внутри я естественно ликовал. Вечер готов был приятно продолжиться. Мистер Оулдридж поднялся с кресла взял с журнального столика сигару и пистолет-зажигалку. Он отвернулся от, чтобы раскурить сигару.

То, что произошло дальше, обычно не происходит в приличных английских домах. Или, наоборот, только это и происходит, если верить бульварному чтиву. Естественно, я говорю про убийство.

Сказать, что это произошло внезапно, значит, ничего не сказать. Сначала вдребезги разлетелось окно гостиной. В оконном проеме каким-то непостижимым образом оказалась огромная ветка дерева. Словно какое-то мерзкое чудовище просунуло в дом свою уродливую руку со скрюченными ветками-пальцами, чтобы утащить перового попавшегося в самую преисподнюю. В ту же секунду в комнату ворвался громкий гул ливня, ветер неистово свистел, а шторы затрепыхались как подстреленные.

Все застыли, не отрывая глаз от разбитого окна и непонятно откуда взявшейся ветки. Шторы надулись как паруса.

Чей-то голос с расстановкой и с какой-то бешеной злостью произнес:

– Дьявольское отродье!

Помню, как отчетливо в голове прозвучала мысль: «Это рука дьявола!», и потом раздался громкий, оглушающий выстрел. И тут я зажмурился. «Это просто сон!»

Раздался твердый не знающий преград голос инспектора:

– Всем оставаться на местах. Джентльмен у двери немедленно пройдите в комнату.

Я открыл глаза. Нет, это был не сон. Я повернулся в сторону двери. С кем говорил инспектор? Входную дверь мне не было видно, она находилась в конце длинного коридора от гостиной до входа. Но там кто-то был, все устремили взгляд в направлении коридора. Через секунду в нем показался Дейв Тревор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.